

Достоевский в кругу женщин. Культура чувств и эмоций

К мемуарной литературе о Достоевском принадлежат три необычные книги – *Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг.* А.Е. Врангеля, *Годы близости с Ф.М. Достоевским* А.П. Сусловой и *Воспоминания* А.Г. Достоевской. Это рассказы о первой, второй и последней любви писателя.

Автором первых воспоминаний является барон Александр Егорович Врангель, познакомившийся с Достоевским в Семипалатинске, где был назначен прокурором. В свою очередь писатель проходил там в это время солдатскую службу сосланный после омской каторги. Врангель старался облегчить писателю нелегкую его судьбу – ввел его во многие местные дома, предпринял героические усилия, чтобы Достоевскому снова дали офицерский чин, разрешили вернуться в Европу, дали возможность печататься – помогал материально, причем не только в период их близких дружеских отношений в Семипалатинске, но и позднее – в 1860 годы. Убедившись, что Врангель к нему искренне расположен, Федор Михайлович полностью доверился своему новому другу, поручив ему самое сокровенное из своей жизни в ссылке¹.

В воспоминаниях барона и в письмах к нему Достоевского вполне раскрывается трогательный рассказ о первой многострадальной любви писателя, который страстно влюбился в жену семипалатинского таможенного чиновника – Марию Дмитриевну Исаеву². Благодаря ее заботе и усилиям Федор Михайлович вошел в местное общество. Поведение покровительницы не могло вызвать в нем глубокой благодарности, привязанности и беспредельной преданности. Жалость и сострадание своей защитницы он принял за любовь. Писателя целиком захватила эта первая настоящая любовь, а Врангель, хотя не был убежден в искренности чувства Исаевой, сделал многое, чтобы их взаимное чувство развивалось и крепло, и чтобы Мария Дмитриевна стала женой Достоевского.

В 1855 году, когда писатель поверил в ее взаимное чувство, влюбленным пришлось временно расстаться, так как муж Исаевой получил назначение в Кузнецк. Страницы воспоминаний Врангеля, повествующие о том, как Достоевский любил со всей страстью поздней первой любви, поражают своим

¹ С.В. Белов, *Вокруг Достоевского*, 2001, с. 24, 30.

² А.Е. Врангель, *Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–1856*, 1912, с. 38.

лихорадочным и возбужденным тоном. „Сцену разлуки я никогда не забуду – вспоминает он – Достоевский рыдал навзрыд, как ребенок. (...) Лежал весь день, не ел, не пил, только нервно курил одну трубку за другой (...). Он еще более похудел, стал мрачен, раздражителен, бродил как тень”³.

Летом 1855 года писатель получил от Марии Дмитриевны известие о смерти ее мужа. Она оказалась в незнакомом ей Кузнецке, одна, без средств, без родных, с маленьким сыном на руках. Федор Михайлович тогда сделал ей предложение – им руководило одновременно и желание спасти ее от нищеты, и чувство горячей любви, и стремление создать семью⁴. Все письма Врангелю этого периода полны жалоб, сомнений, просьб, отчаяния: „Я погибну, если потеряю своего ангела; или с ума сойду, или в Иртыш”⁵. Отношения с любимой становятся более сложными, так как в переписке она все чаще упоминает о молодом местном учителе – Николае Вергунове – в которого наконец-то влюбилась. Со своей стороны Достоевский не только ни разу не упрекнул ее, но еще заботится о ее будущем. Странное поведение Федора Михайловича очередной раз возбудило в Исаевой чувство жалости и нежности, сострадание к его преданной любви.

Осенью 1856 года они обвенчались, но семилетний брак не принес им счастья. Достоевский сильно страдал от отсутствия собственных детей (когда его старший брат женился и у него пошли дети, писатель искренно ему завидовал). Через год после смерти жены он писал Врангелю:

О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил ее тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо. Несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе, мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее были, тем более привязывались друг к другу. (...) Когда она умерла – (...) я никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда ее засыпали землею. И вот уже год, а чувство все то же, не уменьшается⁶.

Вышеизложенное признание кажется удивительным, если учесть, что в последние годы жизни Марии Дмитриевны ее муж ухаживал за другой женщиной – Аполлиной Сусловой. Дневник Сусловой⁷, рассказывающий о годах ее близости с автором *Бесов* – большой человеческий документ. Молодая, двадцатилетняя Аполлинушка познакомилась с писателем на студенческих вечерах, где он читал *Записки из Мертвого дома*. Красота, гордый, независимый характер, ум юной вольнослушательницы Петербургского университета, почитательницы его творчества не могли не поразить Федора Михайловича. Как утверждает дочь писателя, Сусллова сделала ему признание в любви⁸ – сделать самой пер-

³ Там же, с. 51–52.

⁴ С.В. Белов, *Жена писателя. Последняя любовь Ф.М. Достоевского*, Москва 2009, с. 46.

⁵ Ф.М. Достоевский, *Письма*, т. 1, Москва 1928, с. 398.

⁶ Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений*, в 30 т. Т. 28, кн. 2, с. 116.

⁷ А.П. Сусллова, *Годы близости с Достоевским. Дневник – повесть – письма*, Москва 1928.

⁸ Л. Достоевская, *Ф. Достоевский в изображении его дочери*, Москва 1922, с. 34–35.

вый шаг – это как раз в стиле Аполлинарии. Во всяком случае Достоевский пошел навстречу этому горячему молодому чувству, и они встретились. К тому же у Суловой обнаружилось литературные способности и вскоре в журнале „Время” писатель напечатал ее повесть *Покуда*, затем рассказ *До свадьбы*. Из дневника одной девушки и повесть *Своей дорогой*⁹. Все они не совсем удачные в художественном смысле.

Сулова, вероятно, мечтала о романтической любви, а столкнулась с настоящей страстью пожилого мужчины (она не понимала, что для Достоевского всегда любовь и страсть неразрывны), который за центр внимания принял свои литературные дела и разные обстоятельства своей довольно тяжелой жизни. „Их полному счастью – замечает А.П. Гроссман – препятствовала и противоположность их общественных программ”¹⁰.

Эмансипация женщин, нередко понимаемая в духе времени как раскрепощенность от семейных, моральных, общественных да и вообще всяких уз, отвечала натуре Аполлинарии: она искренне не хотела мириться с теми нормами и приличиями, которые считала пережитками и предрассудками. Отсюда ее готовность идти на любой подвиг, тот самый максимализм, который Достоевский считал исконной чертой русского характера и с которым она подходила ко всем окружающим. Но одновременно это пренебрежение всякими условностями и максимализм породили в ней чисто женский эгоизм, безмерную гордость и необузданное самолюбие. Вполне возможно, считает С. Белов¹¹, что именно эти черты характера разрушили в конце концов ее любовь к Федору Михайловичу.

Бурный роман Суловой и Достоевского, из короткой стадии любви-страсти и полного взаимопонимания, перешел в длинный период выяснения отношений, мучительства, измен. Кризис в их отношениях связан с уездом Аполлинарии за границу в 1863 году. В Париже она сошлась с молодым испанским студентом, для которого стала лишь мимолетным развлечением¹². Тогда, второй раз писатель берет на себя роль третьего, утешителя и брата. Как раньше он по-дружески успокаивал Марию Дмитриевну, так теперь утешает Аполлинарию, пытаясь уладить ее сердечные дела.

Любовь Суловой постепенно заменяет ненависть. Осенью 1864 года она записывает в своем интимном дневнике:

Мне говорят о Федоре Михайловиче. Я его просто ненавижу. Он так много заставляет меня страдать, когда можно было обойтись без страдания. Теперь я чувствую и вижу ясно, что не могу любить, не могу находить счастье в наслаждении любви потому, что ласка мужчин будет напоминать мне оскорбления и страдания (...). Когда я вспоми-

⁹ Н.Н. Наседкин, *Достоевский. Энциклопедия*, Москва 2003, с. 737.

¹⁰ А.П. Гроссман, *Достоевский*, Москва 1962, с. 270.

¹¹ С.В. Белов, *Жена писателя...*, с. 55.

¹² А.П. Сулова, *Годы близости...*, с. 50–51.

наю, что была я два года назад, я начинаю ненавидеть Достоевского, он первый убил во мне веру¹³.

Даже если допустить эмоционально-преувеличенный характер указанных записей, мы все равно не можем пробиться в последнюю тайну отношений Достоевского и Суловой, как не можем проникнуть в секрет неудачного брака писателя и Марии Дмитриевны. Любовь-ненависть могла вырасти на почве глубокого идейного несогласия между верующим монархистом Достоевским, каким он вернулся после каторги и ссылки, и страстной нигилисткой Суловой, яростно отрицавшей весь старый порядок мира.

Развивающееся в душе Аполлинаруи чувство ненависти не мешало Достоевскому страстно ее любить, о чем она прекрасно знала. Интересно, что вышеприведенные дневниковые записи сентября 1864 года сделаны авторшей после смерти Марии Дмитриевны, когда Сулова могла стать его полноправной женой: иначе он не вообразал себе отношений с любимой женщиной. На неоднократные предложения стать женой Федора Михайловича, девушка отвечала отказом. Суловой нравилось мучить его, так как она знала, „какой он великодушный, благородный! Какой у него ум! Какое сердце!”¹⁴ – как записала она в том же дневнике.

Хотя они расстались, душой, в сущности, никогда не разошлись. Переписка их продолжалась не только до самой женитьбы Достоевского на Анне Сниткиной; она не оборвалась и после нее. Были за это время и попытки к новому сближению, по всей вероятности, исходившие от Федора Михайловича. Взаимная переписка служила Суловой важнейшим источником сведений о дальнейших превратностях судьбы писателя. Поэтому у Анны Григорьевны было не мало оснований, чтобы ревновать его к Аполлинаруи и не только к их прошлому¹⁵.

Воспоминания о Ф.М. Достоевском в Сибири 1854–1856 гг. А.Е. Врангеля и дневник *Годы близости с Ф.М. Достоевским* А.П. Суловой, свидетельствуют о том, как мучительно трудно шел писатель к своему долгожданному личному счастью, к своей последней любви – Анне Достоевской¹⁶.

¹³ Там же, с. 92, 110.

¹⁴ Там же, с. 48.

¹⁵ А.Г. Достоевская, *Дневник 1867 г.*, Москва 1923, с. 85–86.

¹⁶ Перед Анной Сниткиной была в жизни Достоевского еще одна женщина: Анна Корвин-Круковская. Как начинающая писательница, она переписывалась с Достоевским, посылая в журнал „Эпоха” несколько своих повестей. После того, как писатель влюбился в девушку, скоро сделал ей предложение, в ответ получая деликатный отказ. На вопрос жены (Анны Сниткиной), почему не состоялась их свадьба, Достоевский ответил: „Анна Васильевна – одна из лучших женщин встреченных мною в жизни. Она чрезвычайно умна, развита, литературно образована, и у нее прекрасное, доброе сердце. Это девушка высоких нравственных качеств, но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступит их она не может, слишком уж она прямолинейна. Наверяд ли поэтому наш брак мог быть счастливым... От всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива”; А.Г. Достоевская, *Воспоминания*, Москва 1981, с. 101.

Третье из упомянутых в начале статьи воспоминаний принадлежит перу Анны Григорьевны Достоевской, женщине, которой суждено было стать последней любовью великого русского писателя, его женой, верным другом и помощником в нелегкой жизненной судьбе. Она вошла в жизнь писателя в труднейший период жизни, когда его подавляло много дел разного характера: смерть первой жены и брата, разрыв отношений с Суловой, гигантские долги по двум журналам, которые они издавали вместе с братом, обещание содержать его семью и грозящая тюрьма. Весной 1865 года Достоевский писал Врангелю:

И вот я остался вдруг один, и стало мне просто страшно. Вся жизнь переломилась разом надвое (...). О, друг, мой, я охотно бы пошел опять в каторгу на столько же лет, чтоб только уплатить долги и почувствовать себя опять свободным. Теперь опять начну писать роман из-под палки, то есть из нужды, наскоро¹⁷.

Анна Григорьевна (урожденная Сниткина) познакомилась с Достоевским в 1866 году, когда была рекомендована писателю во время работы над романом *Игрок* как опытная стенографистка. Пытаясь погасить самые срочные долги покойного брата Михаила по журналам „Время” и „Эпоха”, Достоевский решает одновременно писать два романа – *Игрок* и *Преступление и наказание*¹⁸. Молодая, скромная стенографистка сразу же понравилась Достоевскому. Восхищаясь чертами ее характера, особое внимание обратил писатель на чувство долга, аккуратность, трудолюбие, порядочность. Убедившись, что у нее доброе сердце, Федор Михайлович, не зря говорил ей в перерыве между диктовками, что предпочитает добрую жену умной¹⁹. Со стороны своей первой жены Марии Дмитриевы, он мало ощущал доброты, а уж об любимой Аполлинарии Суловой – и говорить не приходится.

Искренняя забота, какой Сниткина окружила писателя, стала ему импортировать. Она оказалась великолепным знатоком его произведений, преклоняющимся перед его талантом и верящим в его высокое писательское предназначение. Достоевский ясно осознал, что Сниткина помогла ему в самом священном для него деле – в писательском труде. К тому же заметил в ней женщину, способную стать преданной женой и прекрасной матерью семейства (познакомившись с ее матерью он увидел, в какой хорошей нравственной атмосфере девушка росла).

Хотя предложение Достоевского²⁰ она приняла с неожиданностью, внутренне была к нему готова. Благодаря необыкновенному характеру и мужеству Анна Григорьевна способна была выдержать борьбу за свое счастье. Особенно активно и уже яростно выступили против брака пасынок Паша Исаев

¹⁷ Ф.М. Достоевский, *Полное...*, кн. 1, с. 270.

¹⁸ Н.Н. Наседкин, *Достоевский...*, с. 573.

¹⁹ А.Г. Достоевская, *Воспоминания...*, с. 76.

²⁰ Там же, с. 91.

и вдова брата писателя Эмиля Федоровна со своими детьми – они сразу поняли, что предстоящий брак может положить конец их материальному благополучию²¹. Ощувив, что за Достоевского надо сражаться и что ей предстоит жестокая борьба с его родными, Сниткина решила как можно скорее обвенчаться: в сложившихся обстоятельствах родственникам придется помириться с фактом появления новой семьи и поневоле умерить свои аппетиты. Влюбленная невеста откровенно пишет о своих сомнениях и переживаниях той поры:

Моя любовь была чисто головная, идейная. Это было скорее обожание, преклонение перед человеком, столь талантливым и обладающим такими высокими душевными качествами. Это была хватающая за душу жалость к человеку, так много пострадавшему, никогда не видавшему радости и счастья... Мечта сделаться спутницей его жизни, разделить его труды, облегчить его жизнь, дать ему счастье – овладела моим воображением, и Федор Михайлович стал моим Богом, моим кумиром, и, кажется, я готова была всю мою жизнь стоять перед ним на коленях. Но все это были высокие чувства, мечты, которые могла разбить наступившая суровая действительность²².

В свою очередь в письме любимой Достоевский писал: „Ты мое будущее все – и надежда, и вера, и счастье и блаженство – все”²³.

Многочисленные родственники, гостившие у Достоевских с утра до позднего вечера, практически ни на минуту не оставляли молодоженов одних. Но более всего Анна Григорьевна страдала от того, что дорогой муж, успешно избегающий всяких ссор, вместо того, чтобы защищать ее от несправедливых нападок родственников, обычно ни во что не вмешивался. Стоящий в стороне Достоевский, просто, не хотел вникать во все эти раздоры, так как они мешали ему целиком уйти в творчество. Оставаясь в полном отчаянии и интуитивно почувствовав, что речь идет не просто о спасении их брака – речь идет о спасении его творческого гения, Анна Григорьевна решает заложить свое приданное (мебель, серебро, вещи), и на эти деньги в 1867 году молодожены уезжают за границу²⁴.

Чудесное путешествие Достоевских неожиданно оканчивается катастрофой: писатель вновь, как во время первых зарубежных поездок в 1862 и 1863 гг., впадает в зависимость от безжалостной рулетки. Всякие попытки борьбы с этим пороком были обречены на неудачу.

Когда, на первом этапе их знакомства, писатель диктовал молодой стенографистке *Игрока*, она правильно сочла его автобиографическим произведением, но даже представить себе не могла, что власть рулетки над ним так всемогуща. Страсть к азарту несла с собой такие мучения, по сравнению с которыми даже

²¹ Там же, с. 119.

²² Там же, с. 142.

²³ Ф.М. Достоевский, А.Г. Сниткина, *Письма любви*, Москва 2011, с. 18.

²⁴ С.В. Белов, *Жена писателя...*, с. 82.

четыре года каторги казались ему раем. В качестве главной причины своего увлечения рулеткой писатель всегда указывал бедность, подчеркивая, что ему прежде всего нужны были деньги для денег. Он, действительно, нуждался в денежных средствах всю свою жизнь, свидетельством чего является его переписка – трудно найти в ней такие письма, где бы не шла речь о деньгах. Мечта о том, чтобы выиграть капитал и с его помощью погасить существующие долги покойного брата, дать материальное обеспечение жене и детям, а также получить возможность спокойно писать свои произведения (как Тургенев и Толстой, часто повторял он), а не на срок, под угрозой тюрьмы или описи имущества – так овладела Достоевским, что он начал играть, рассчитывая на большую выигрыш.

Совсем не разбираясь во всех иррациональных качествах рулетки, супруга зато скоро проникла тайну рулеточной лихорадки писателя, заметив, что после большого проигрыша Достоевский восторженно принимался за творческую работу. Поэтому она не жалуется на мужа, закладывающего буквально все, вместе с обручальным кольцом и ее серьгами (она и рулетку²⁵, как и эпилепсию²⁶, считала платой за гениальность). Не ропщет на нее и он. В противоположность другому гениальному писателю Льву Толстому, Федор Михайлович никаких недоразумений с женой на показ и миру не предъявил – предъявлять было нечего. Никакие притязания или конфликты на семейной почве у Достоевских не возникли: росла в силу одна лишь все понимающая и все прощающая любовь. Он имел возможность реализоваться как нежный муж и заботливый отец, вникающий во все мелочи семейной жизни, которая стала органической частью его существования и как человека, и как писателя. Александр Врангель, приехавший в конце 1870 годов в Петербург узнать, как живет писатель, радуется, „что благодаря своей достойной супруге, ее попечению и горячей заботливости о нем, он, наконец, нашел покой и ни в чем не нуждался”²⁷.

Вполне правы те, кто Анну Григорьевну считают ангелом-хранителем Достоевского. Мудрость обожающей мужа супруги проявлялась в том, что она, по годам совсем еще ребенок, не только выручала мужа, но обладала способностью находить в себе силу утешать его после очередного проигрыша.

²⁵ А.Г. Достоевская, *Воспоминания...*, с. 173.

²⁶ Через полвека Анна Григорьевна говорила писателю и критику А.А. Измайлову: „Я вспоминаю о днях нашей совместной жизни, как о днях великого, незаслуженного счастья. Но иногда я искала его великим страданием. Страшная болезнь Федора Михайловича в любой день грозила разрушить все наше благополучие. Ни предотвратить, ни вылечить этой болезни, как вы знаете, нельзя. Все, что я могла сделать, это – расстегнуть ему ворот, взять его голову в руки. Но видеть любимое лицо, синееющее, искаженное, с налившимися жилами, сознавать, что он мучается и ты ничем не можешь ему помочь, – это было таким страданием, каким, очевидно, я должна была искупить свое счастье близости к нему (...)”;

А.А. Измайлов, *У А.Г. Достоевской: (К 35-летию со дня кончины Ф.М. Достоевского)* // „Биржевые новости” 1916, нр. 15350.

²⁷ А.Е. Врангель, с. 219.

„Проиграл”, „выиграл”, „проиграл”, „выиграл” – в каждом письме сообщает ей Федор Михайлович. В конечном счете всегда проигрывал, за чем следовали просьбы относительно помощи, спасения, поддержки деньгами. И жена всегда выручала. „Я никогда не упрекала мужа за проигрыш, никогда не ссорилась с ним по этому поводу (муж очень ценил это свойство моего характера) и без ропота отдавала ему наши последние деньги”²⁸.

Немного женщин могло бы пойти на такого рода самопожертвование или вести себя так кротко и безропотно, получая от мужа такие, например, письма: „Аня, милая, друг мой, жена моя, прости меня, не называй меня подлецом. Я сделал преступление, я все проиграл, что ты мне прислала, все, все до последнего крейцера, вчера же получил и вчера проиграл”²⁹, „Аня, милая, я хуже, чем скот! Вчера к 10 часам вечера был в чистом выигрыше 1300 фр. Сегодня – ни копейки. Все! Все проиграл!”³⁰, „Аня, милая, бесценная моя, я все проиграл, все, все! О, ангел мой... теперь... не буду более тебя обкрадывать, как скверный, гнусный вор!”³¹, „Милый мой ангел Нютя, я все проиграл, как приехал, в полчаса все и проиграл... Прости, Аня, я тебе жизнь отравил”³².

Неоднократно обещая жене оставить рулетку навсегда, Достоевский в конце концов клятву свою сдержал, делая Анну Григорьевну счастливой. Своим освобождением от власти рулетки он был обязан супруге, ее великодушному терпению, прощению, мужеству и благородству. „Всю жизнь вспоминать это буду и каждый раз тебя, ангела моего, благословлять, – писал он жене – Нет, уже теперь твой, твой нераздельно, весь твой. А до сих пор наполовину этой проклятой фантазии принадлежал”³³.

Взяв на себя всю тяжесть денежно-материальных забот семейства, Анна Григорьевна спасла его для творческой деятельности, литературы. И невозможно переоценить ее заслуги, помня, что за годы их совместного брака были созданы все великие романы и *Дневник писателя*, т.е. значительно больше половины написанного Достоевским за всю жизнь. Важно и другое: как опытная стенографистка и переписчица, Анна Григорьевна с пристрастием следила за романами: *Игрок*, *Преступление и наказание*, *Идиот*, *Бесы*, *Подросток*, *Братья Карамазовы*, *Дневник писателя* со знаменитой Пушкинской речью.

После смерти писателя, тридцатипятилетняя вдова сочла свою личную жизнь конченной, думая лишь о том, чтобы сделать все возможное для посмертной славы Достоевского. Прежде всего, Анна Григорьевна семь раз выпускает полное собрание сочинений Достоевского, а также неоднократно издает целый ряд отдельных произведений писателя. В начале века она открыла

²⁸ А.Г. Достоевская, *Воспоминания...*, с. 173.

²⁹ Ф.М. Достоевский, А.Г. Сниткина, *Письма любви*, с. 67.

³⁰ Там же, с. 79.

³¹ Там же, с. 84.

³² Там же, с. 90.

³³ Там же, с. 123.

школу имени Достоевского в Старой Руссе, при московском Историческом музее организовала отдел Достоевского, выпустив его каталог, занималась подготовкой к печати своего *Дневника* и *Воспоминаний*, вышедших в свет уже после ее смерти.

Анна Григорьевна целиком посвящает себя служению великому имени Достоевского. И можно смело утверждать, что ни одна жена писателя не сделала столько для увековечения памяти своего мужа, для пропаганды его творчества, сколько сделала жена автора *Бесов*. Когда ее спрашивали, почему вторично не вышла замуж, она искренно возмущалась: „Мне это казалось бы кощунством», а затем шутила: «Да и за кого можно идти после Достоевского? – разве за Толстого!»³⁴.

Через много лет после кончины мужа Достоевская написала полные достоинства слова:

„Мне всю жизнь представлялось некоторого рода загадкой то обстоятельство, что мой добрый муж не только любил и уважал меня, как многие мужья любят и уважают своих жен, но почти преклонялся передо мною, как будто я была каким-то особенным существом, именно для него созданным, и это не только в первое время брака, но и во все остальные годы до самой его смерти»³⁵.

До конца жизни она гордилась тем, что заслужила от такого умного и талантливого человека глубокое почитание и почти преклонение.

Streszczenie

Dostojewski w kręgu kobiet. Kultura uczuć i emocji

Studiując literaturę pamiętnikarską dotyczącą życia i twórczości Fiodora Dostojewskiego, możemy dotrzeć do kilku nader interesujących pozycji. Są wśród nich *Wspomnienia o F.M. Dostojewskim na Syberii w latach 1854–1856* A.J. Wrangla, *Lata żażyłości z F.M. Dostojewskim* A.P. Susłowej oraz *Wspomnienia* A.G. Dostojewskiej. To opowiadania o pierwszej, drugiej i ostatniej miłości pisarza.

Autorowi pierwszych wspomnień – baronowi Aleksandrowi Wranglowi – Dostojewski powierzył swą najskrytszą tajemnicę czasu zesłania – historię pierwszej wielkiej miłości i małżeństwa z Marią Isajewą. Kolejne strony *Wspomnień* barona, traktujące o namiętnej spóźnionej pierwszej miłości, przypominają swym gorączkowym tonem listy autora *Biesów* do Wrangla, w których mowa jest o czasowym rozstaniu zakochanych, śmierci męża Isajewej, jej zauroczeniu kuznieckim nauczycielem oraz siedmioletnim małżeństwie z pisarzem, które nie przyniosło im obojgu oczekiwanego szczęścia.

W ostatnich latach życia pierwszej żony Dostojewski namiętnie pokochał słuchaczkę kursów uniwersyteckich – Apollinarię Susłową. Młoda miłośniczka jego twórczości, prawdopodobnie oczekująca romantycznej miłości, spotkała się ze zwykłą namiętnością starszego

³⁴ А.А. Измайлов, У А.Г. Достоевской...

³⁵ А.Г. Достоевская, *Воспоминания*, Москва 1981, с. 434.

mężczyzny, który dodatkowo podporządkował ich spotkania sprawom literackim i najróżniejszym okolicznościom swego ciężkiego życia. Kryzys w ich wzajemnych relacjach, który zrodził się w wyniku głębokich rozbieżności ideowych pomiędzy wierzącym Dostojewskim a zagorzałą nihilistką Susłową, nastąpił po wyjeździe Apollinarii za granicę wiosną 1863 roku.

Wspomnienia Wrangla, jak i dziennik Susłowej, są świadectwem tego, jak trudną drogę do upragnionego szczęścia osobistego, do swej ostatniej miłości – Anny Grigoriewny Dostojewskiej pisarz musiał przebyć.

Do ich pierwszego spotkania doszło w 1866 roku, gdy Snitkina została rekomendowana pisarzowi w czasie pracy nad powieścią *Gracze* jako doświadczona stenografistka. Anna Grigoriewna wywarła na pisarzu pozytywne wrażenie – imponowało mu jej poczucie obowiązku, solidność, pracowitość. Uświadomiwszy sobie, że będzie oddaną żoną i wzorową matką rodziny, Dostojewski zdecydował się związać z nią swoją przyszłość. Sprawy życia domowego, koordynacja spłaty długów po zmarłym bracie, utrzymanie jego żony i dzieci, wspieranie męża w walce z hazardem, spisywanie jego kolejnych dzieł – to krąg codziennych zainteresowań młodej gospodyni. Wziąwszy na swe barki troski materialne rodziny, Anna Grigoriewna stworzyła Dostojewskiemu wszelkie warunki do spokojnej pracy twórczej, ratując go dla literatury. Nie przestała zabiegać o szerzenie dobrego imienia pisarza po jego śmierci (między innymi siedem razy wydała dzieła zebrane Dostojewskiego, założyła szkołę imienia Dostojewskiego w Starej Rusie).

Nota o autorze

Katarzyna Kosowska – dr nauk humanistycznych, kulturoznawca, asystent w Instytucie Rosji i Europy Wschodniej Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Obszary badań i zainteresowań: kultura staroruska, kultura XVIII – pierwszej połowy XIX wieku, obraz kobiety w literaturze i kulturze rosyjskiej.